

Моим друзьям, которые не стали
останавливать меня, когда я сказала, что хочу
написать что-нибудь вроде «*Сокровища Нации*»
и «*Фауста*» с легким налетом экзистенциального
кризиса и сексуального напряжения.

Вы все должны мне выпивку.

И деньги на психотерапию.

И где же был ты, когда создавал я землю?

КНИГА ИОВА

ПРОЛОГ

Кахина пела спящему мальчику. Сидя на краю постели, она прогоняла ночные кошмары, искажавшие его лицо. Северин тихо вздохнул, отстраняясь от ее руки, и сердце Кахины сжалось. Только в редкие моменты, когда ночь медленно растворяла день и мир вокруг погружался в сон, она могла называть его сыном.

— *Ya omri*, — мягко произнесла она.

Жизнь моя.

— *Habib albi*, — произнесла она, на этот раз чуть громче.

Любовь моего сердца.

Северин моргнул, а затем уставился на нее. Сонно улыбнувшись, он протянул к ней руки.

— *Умми.*

Кахина обняла сына и сидела неподвижно, пока он не заснул. Женщина касалась его волос, черных, слов-

но вороново крыло, слегка вьющихся на концах. Она вдыхала едва различимый свежий запах, исходящий от его кожи, оставленный ветвями эвкалипта, который она добавляла в вечернюю ванну. И иногда испытывала ненависть за то, как мало в чертах сына было от нее самой.

С закрытыми глазами он был миниатюрной копией отца, и Кахина уже знала, каким он станет в будущем. Нежная улыбка совсем скоро превратится в ухмылку. Розовые круглые щеки заострятся словно клинок. И даже его манеры изменятся. Пока что он застенчив и старателен, но Кахина уже заметила, что он начинает подражать утонченной жестокости отца. Порой это пугало ее, но, возможно, так всего лишь проявлялся инстинкт сына к выживанию. Сила и власть заключались не только в знании, как идти по миру, но как заставить этот мир вертеться вокруг тебя.

Кахина провела пальцами по ресницам сына, решая, стоит ли будить его. Она понимала, что это эгоистично, но не могла с собой совладать. Лишь в глазах сына Кахина находила ту часть самой себя, которая не исчезла. Глаза Северина — цвета тайн — тень сумрака, пронизанного серебром. Они были того же цвета, что и ее глаза, и глаза ее матери и бабушки.

Этим цветом глаз обладали все Благословенные, отмеченные Непокорными Сестрами: Ал-Лат, Ал-Уззой, Манат. Древние богини, обломки чьих храмов теперь вымостили дороги цивилизации. Их легенды были начисто стерты. Их лица почти забыты.

И лишь одна заповедь незамеченной проскользнула сквозь время, исполняемая поколением, однажды благословленным богинями.

Ты хранишь врата в божественное — не дай никому пройти.

В детстве, когда мать рассказала ей об их долге придерживаться этой заповеди, Кахина ей не поверила. Она расхохоталась в ответ, думая, что это не более чем плод причудливого воображения матери. Но в тринадцатый день рождения мать привела ее в заброшенный загон посреди пустыни, давно предоставленный в распоряжение коз и бродяг. В центре загона раскинулась груда обломков, напоминавших колодец, в котором не было воды. Он оказался засыпан пыльными пальмовыми листьями и песком.

— Напой его своей кровью, — приказала ей мать.

Кахина воспротивилась. Эта фантазия зашла слишком далеко. Однако мать была непреклонна. Она резко схватила Кахину за руку, чиркнув острым камнем по сгибу ее локтя. Кахина помнила, как пронзительно закричала от обжигающей боли, а затем ее кровь брызнула на древние камни.

Мир вокруг содрогнулся. Синий свет, словно небо скрутилось в жгут, вырвался из камней, а затем рассыпался на сияющие полосы по всему загону.

— Загляни в колодец, — приказала ей мать.

Женщина больше не была похожа на саму себя. Кахина усилием воли заставила себя заглянуть за ка-

менную кромку колодца. Песок и пыльные пальмовые ветви исчезли, а вместо этого возникла история, переполнявшая ее изнутри. Она зажмурилась. Ее рот переполнила тяжесть сотен наречий, язык ослабел, зубы сковало от боли. На долю секунды иное сознание распростерлось в ней, шепотом приказывавшее корням расплетаться и птицам взлетать, сознание, острое настолько, что, казалось, оно было способно извлечь намерение из хаоса, высечь причину из случайности, заставить звезды вращаться сквозь миры.

Кахина упала на колени.

Падая, она ощутила, что изображение ринулось вверх и мир внизу сделался настолько крохотным, что она могла обхватить его ладонями. Она увидела, как чистая полоса этого сверхъестественного сознания разгорается ярче, врываясь в юный мир. Перед ее глазами эта сила разрушала землю, а люди подносили ладони к глазам, словно новые цвета взрывались перед их взором. Она видела, как эти пряди силы вонзались в землю, распускаясь плетями света, и мир казался расписанным поэтическими надписями, которые лишь ангелы могли произнести. Земля расцветала под сетью света. Растения разрастались. Животные щипали траву. Общины, поначалу небольшие, а затем все больше и больше, образовывались повсюду. Мужчина взмахнул рукой над верхушками травы, и былинки медленно скрутились в флейту. Женщина в бусах прижала пальцы к вискам ребенка, и люди, собравшие-

ся вокруг, изумленно сжались. Позже Кахина узнает, что в Западном мире это называли силой Творения, материи и разума, но у искусства было не одно имя.

Охваченная этим жутким сознанием, Кахина ощутила, что изображение вновь меняется.

В храме с высокими стенами нити странного света, пробивавшегося из земли, парили в воздухе, словно густой солнечный свет. Несколько женщин собирали нити. Кахина видела, как их глаза напитывались светом и теперь сияли серебром. Одна за другой нити устанавливались в инструмент не больше детской головы. Движимая любопытством, одна из женщин коснулась струн музыкального инструмента. Время вдруг замерло, и на какое-то ужасающее мгновение пряди силы внутри земли издали скрип, и каллиграфические огненные надписи предостерегающе вспыхнули. Женщина убрала руку, мгновенно заглушив звук.

Но непоправимое уже произошло.

Кахина смотрела, как по всему миру разгораются пожары, новые города рушатся и люди гибнут под обломками. Кахина уже не могла различить своего тела, но чувствовала, что ее душа содрогается от ужаса. Этот музыкальный инструмент не был предназначен для игры.

В ее видениях время ринулось вперед.

Кахина увидела, как потомки женщин разбрелись по миру. Она узнавала их по неземному оттенку глаз, привлекающему внимание своей необычностью, од-

нако не вызывающим серьезных подозрений. Странный музыкальный инструмент передавался из рук в руки, тайно переправлявшийся через порталы, где сжимались время и пространство, проносясь сквозь века, пока империи воевали и кормили своих кроважидных богов, требовавших крови, и еще более кроважидных служителей церкви, жаждущих жертв, а тем временем солнце заходило и вставала луна, а музыкальный инструмент на удивление хранил молчание.

Внезапно видения рассеялись.

Кахина упала, и, казалось, это было падение сквозь множество жизней. Она ощущала, как камни древних зиккуратов царапали ее щеки, чувствовала привкус холодных монет, ощущала прикосновение шкур вымерших животных к ее ногам. Внезапно она обнаружила, что лежит на земле и смотрит на мать. Бесконечность, еще недавно разливавшаяся в ее душе, схлынула, ей было холодно, и еще никогда она не чувствовала себя такой крошечной.

— Понимаю, — мягко произнесла ее мать.

Когда Кахина смогла говорить — а это заняло гораздо больше времени, чем она представляла, потому что ей казалось, что слова родного арабского языка ускользали от нее, — она прохрипела:

— Что это было?

— Видение, дарованное Благословенным, чтобы мы могли постичь наш священный долг, — ответила мать. — У нас иные имена, как мне было сказано,

и наша семья была разъединена очень давно. Мы — Забытые Музы, Норны, Дочери Батала, Безмолвной Апсарас. Музыкальный инструмент, который ты видела, обладает множеством названий на разных языках, но его предназначение всегда одно... если тронуть его струны, он разрушает божественное.

— Божественное, — повторила Кахина.

Этого слова казалось недостаточно, чтобы описать увиденное.

— Моя мать рассказывала об одном месте, построенном на территории разрушенного царства, чьи жрицы неправильно использовали силу инструмента. Игра на нем за пределами нечестивого храма освободит разрушительную силу, которая уничтожит весь мир, — произнесла мать Кахины. — Если на нем играют в храме, сказано, что его звучание соединяет воедино все те нити божественного, которые ты видела. Некоторые говорят, что его необходимо поднять на вершину башни, которую можно считать главным зданием, и предъявить свои права на божественное. Нам этого знать не дано. Наш долг заключается в одном...

Мать протянула руку, помогая Кахине подняться.

— В твоих руках ключ от врат в божественное. Не позволяй никому войти.

И ВОТ ТЕПЕРЬ КАХИНА склонилась над сыном. Перевернув его пухлую ладошку, она обводила кончиками пальцев нежные полоски голубых жилок на